

Ола, сидевшая в углу на диване, не выдержала и выхватила пистолет из рук Се Цюци:

— Не трать на него время, Се. Кому какое дело, говорил он или нет? Он побывал у Хаза, и доверять ему больше нельзя. Лучше покончить с этим побыстрее.

Ху Цяобо бросился к ногам Се Цюци:

— Цюци, спаси меня, пожалуйста! Я скотина, я подлец! Буду тебе служить верой и правдой, спаси меня хоть раз, я не хочу умирать здесь...

Его рёв был настолько жалок, что не вызвал ни капли сочувствия, лишь добавил Се Цюци тошноты.

Тот холодно схватил его за руку:

— Хочешь, чтобы я спас? Ладно. Отруби себе эти две руки — в уплату за мои тюремные годы, и я пожалею тебя. Как? Справедливо, ведь меня осудили на пятнадцать.

Ху Цяобо задрожал:

— Цюци, ты не можешь быть таким жестоким... Я люблю тебя... Я по-настоящему только к тебе...

— Любишь? А потом взял мой паспорт, чтобы кредит оформить?

— Я понял, что был неправ! Правда понял! Я не думал, что так выйдет... Цюци, я тогда будто бесом был одержим, меня обманули, уговорили на кредит... Раньше я не был таким, ты же знаешь, мы столько лет знакомы...

— Хватит болтать. Рубишь руки, или я тебя рубить буду?

— Цюци, я не могу стать калекой... Я в семье один... Мать дома ждёт...

Се Цюци окончательно исчерпал терпение. Повернулся к Оле и кивнул:

— Он твой.

Ху Цяобо, видя, что тот уходит, завопил:

— Не убивайте! Я всё расскажу! Хаза велел мне шпионить! Он хотел узнать про золотой бриллиант!

Се Цюци замер:

— Какой шпион? Какой золотой бриллиант?

Мужчина, почти выплакав все слёзы, захлёбываясь, выдавил:

— Я и сам мало что знаю... Этот командир, которого вы Хаза зовёте, очень интересовался одним золотым бриллиантом на заводе. Все его вопросы были про этот камень. Говорил, это уникальный золотой бриллиант, огромный, с тот, что на короне английской королевы. Честно, на заводе я большие алмазы видел, но такой — никогда. Так что я правда ничего не знаю...

Се Цюци и Ола переглянулись. Не ожидали, что командир уже в курсе про этот бриллиант.

— Что ещё он хотел узнать? — Се Цюци сел, давая знак продолжать.

Ху Цяобо выложил всё:

— Он хотел узнать, где тот бриллиант, планирует ли Ола его продать, отправили ли уже на огранку... Короче... Короче, кажется, этот камень ему очень важен. Потом я слышал, как его люди шептались — мол, «американцы уже дают, если не отдадим бриллиант, товар другим уйдёт». Поэтому Хаза так нервничает. Не знаю, что за «товар», но они алмазами расчёты ведут. Хаза у американцев что-то покупает, а золотой бриллиант — для расплаты. Если не получит от американцев товар — дела Хазы пойдут плохо.

Ола по-португальски сказала Се Цюци:

— Оружие. Американцы продают ему оружие, он платит алмазами. Дело обычное, ещё с войны такие сделки водились. Потому он и рвётся контролировать шахты — нет алмазов, нет оружия. Не только винтовки, патроны, гранатомёты, но и спутниковые телефоны, тактические радиостанции, радары... Всё, что можно представить, шло в обмен. На пике он даже истребитель приобрёл — F-5.

В девяностых позволить себе истребитель — не уровень рядового повстанческого отряда.

— Выходит, у Хазы кончились средства или запасы алмазов, поэтому он так отчаянно нуждается в этом золотом бриллианте.

— Последние годы правительство ужесточило борьбу с нелегальной добычей, да и легальные компании в Лунду пришли. Хаза сильно прижат. Даже он вынужден признать, что времена меняются.

— Он у американцев оружие покупает — что, ещё надеется войну развязать?

— Может, грезит, что УНИТА* победит правительственные войска, и он министром станет. Оружейные торговцы только рады его амбициям использовать. Ему и наёмников содержать надо, и рабов держать в узде, и авторитет поддерживать — без оружия никак. Иначе какой же он властитель — одна видимость.

— Как сделки проходят? Как оружие сюда попадает?

— Как и алмазы контрабандой — сначала из Штатов в Намибию, потом через пограничную пустыню. Сделки обычно на границе, и каждый раз в новом месте, чтобы правительственные войска не засекли. На границе свои люди, так что со временем он вообще бесконтрольным стал.

Се Цюци приподнял подбородок Ху Цяобо:

— Хаза не знает о нашей связи?

Ху Цяобо мотнул головой. Кто мог подумать, что между ними что-то было.

— Рассказывай, как он тебя в шпионы завербовал.

— Хаза потом смекнул, что я, как чернорабочий, вряд ли к алмазам доступ имею. Сказал — если раздобуду сведения про бриллиант, отправит меня в Штаты. Я только согласиться мог, но разве я такому человеку поверю? Узнай он, что я его секреты выведал, — прикончил бы после

сделки. Конечно, я к тебе!

— А он как был уверен, что ты его не сдашь?

— К Оле переметнуться — бесполезно. Использует и прикончит. Хаза и в страшном сне не мог представить, что у меня с тобой прошлое. С тобой у меня и правда шанс появится.

Только что этот человек был напуган до полусмерти, а теперь оценивал ситуацию трезвее всех.

Се Цюци чуть не похвалил его:

— Не так уж и глуп. Дам тебе шанс остаться в целости. Справишься — будем квиты. Ошибёшься — сделаю из тебя обрубок и в озеро на корм рыбам.

Ху Цяобо закивал, как сумасшедший:

— Справлюсь! Всё, что скажешь, сделаю!

Се Цюци и Ола обменялись взглядом.

— Каждый раз, как Хаза с тобой свяжется, сразу нам. Я буду давать, что передать. Слово в слово, как скажу. Ошибёшься в запятой — сам знаешь, что будет.

Двойной агент усмехнулся:

— Это просто.

Се Цюци смотрел на этого человека со смешанными чувствами. Много лет Ху Цяобо был главным героем его кошмаров. Это лицо забыть было трудно. Иногда воспоминания вызывали физическое отвращение — будто переешь острого перца: жжёт желудок, жжёт под ложечкой, всё нутро будто сдавлено; будто тайфун надвигается — всё небо обрушивается на грудь, не продохнуть.

Он думал о возможной встрече. Знал, что Ху Цяобо живёт плохо. Может, столкнется случайно под мостом или у мусорных баков за забегаловкой. Ху Цяобо, возможно, уже забыл его — Се Цюци был ведь лишь одним из многих наивных пацанов, которых он обманул. Может, даже не узнает, примет за прохожего, попросит сигарету с наглой ухмылкой.

— И никогда не хотел отомстить? — спросила Ола.

Се Цюци покачал головой. Он вышел на порог, прикурил. В доме было душно, даже свежий воздух казался роскошью.

Ола последовала за ним. Закат был цвета спелого боярышника. В поле деревья казались низкими, солнце висело близко.

— Месть те годы не вернёт, — Се Цюци глубоко затянулся, и морщины на лбу разгладились. — Какое-то время я его действительно ненавидел. Зубами скрипел. Любая неудача — и его лицо перед глазами: «Если бы не он, я бы не сел», «Если бы не он, я бы не подавился», «Если бы не он, я бы не опоздал из-за пробки»... Понимаешь, о чём я?

Ола промолчала. Не была уверена, говорит ли он о себе или включал в это и её.

Се Цюци продолжал:

— Жить так — просто. Всё своё несчастье, все ошибки и неудачи сваливаешь на одного человека. Потом я понял — бессмысленно. Полюбить его был мой выбор. Поверить ему — тоже мой. Он виноват, в этом нет сомнений, и я ему этого не прощу. Но я не хочу с собой воевать.

<http://bllate.org/book/15957/1426858>